

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/61/2

А.Г. Андрушкевич

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АСКРИПТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 18-18-00057, <https://rscf.ru/project/18-18-00057/>

Осуществляется семантический анализ аскриптивных выражений, таких как «Билл совершил преступление». Рассматривается специфика предикатов статуса и их отличие от предикатов действия. Определяются контекстуальные условия для употребления ряда аскриптивных выражений.

Ключевые слова: язык, онтология, аскрипция, семантика, правовая онтология

Рассмотрение и анализ аскриптивных выражений, посредством которых осуществляется приписывание определенного статуса, в том числе юридического, является семантической проблемой. Что в своей сущности представляют собой выражения типа «шериф совершил преступление»? Поиск ответа на данный вопрос представляется перспективным начинанием, поскольку, во-первых, позволяет инициировать решение проблемы логической формализации аскриптивных выражений и, во-вторых, отвечает интересам аналитической философии в установлении взаимосвязи языка и реальности.

Итак, первым делом следует сделать акцент на том, что выражение «шериф совершил преступление» не следует редуцировать до $A(x)$, где x есть субъект высказывания, а A – предикат действия (совершить преступление), совершение которого приписывается субъекту. Вероятно, что данное заявление может показаться не совсем обоснованным и отчасти даже ошибочным. Полагаем, что с точки зрения поверхностного анализа семантика предиката «совершил преступление», приписываемого шерифу, предполагает, что он (шериф) совершает некоторое действие. Однако более глубокий взгляд на сущность данного предиката позволяет нам выявить контрфактичность предположения, что «совершить преступление» – это предикат действия.

Для того чтобы прояснить данную ситуацию, необходимо провести небольшой опыт, для участия в котором нам понадобится помощник, который будет выполнять наши указания. Для начала мы можем попросить нашего ассистента выполнять определенные действия. К примеру, мы можем попросить его подпрыгнуть и далее прокомментируем его действия фразой «ассистент подпрыгнул», которое в своей логической форме будет представлять собой $J(a)$, где a – это наш ассистент, J – подпрыгнул, т.е. предикат действия. Далее мы можем попросить нашего ассистента продолжать выполнять действия, которые мы будем ему сообщать. И независимо от того, какие указания мы будем давать нашему помощнику, логическая структура наших комментариев не изменится. Если мы попросим его удивиться, то a мы припишем предикат действия S . И так, в конечном итоге, мы можем попросить его совершить преступление. В ответ на нашу просьбу ассистент, к при-

меру, может взять и положить к себе в карман дорогую авторучку. Если нам известно, что эта ручка не принадлежит ассистенту, то мы должны быть удовлетворены тем, что он продолжает выполнять наши указания. Можно предположить, что теперь у нас появились основания для того, что бы приписать *a* новый предикат действия, обозначим его *R*. Следовательно, *R(a)* должно буквально означать «ассистент совершил преступление». Однако в это же самое время мы можем выдвинуть суждение «ассистент стащил авторучку», т.е. приписать помощнику иной предикат действия, а именно «стащить авторучку». Некий здравый смысл подсказывает нам, что «стащить авторучку» можно и, более того, нужно рассматривать как тождественное «совершил преступление». Однако пока у нас нет иных, отличных от интуитивного подозрения оснований полагать, что первое на самом деле тождественно второму.

И вот сейчас нам следует задать вопрос: а какое именно действие совершил наш ассистент? *De facto* он украл авторучку, которая лежала на столе. Однако возможна интерпретация *de jure*, но здесь имеет место принципиальное условие. Дело в том, что «ассистент совершил преступление» не является выражением, описывающим действие, которое совершил наш помощник. Также простого факта реальности оказывается недостаточным для того, чтобы приписать ассистенту предикат *R*. Другими словами, в действительности совершено одно и только одно действие, а именно кража авторучки, которое *postfactum* и при определенных условиях, о которых подробнее сказано будет ниже, может быть квалифицировано как преступление. Так же можно сделать категорический вывод о том, что наш ассистент не смог выполнить поставленную перед ним задачу, а именно совершить преступление. Вместо этого он совершил другое действие, стащил авторучку. Таким образом, на наш взгляд, «совершить преступление» не является по своей семантической природе действием, хотя ряд совершаемых людьми действий *de jure* можно назвать преступлениями.

В силу чего некоторые поступки людей можно рассматривать как нечто большее, чем просто совершение действий? Ответ в определенной степени очевиден. Некоторые действия являются преступлениями в силу того, что имеются независимые от субъекта основания считать их таковыми. Однако само по себе преступление нельзя рассматривать в качестве действия, поскольку оно является лишь определенным статусом, который может быть им (действиям) присвоен. Мы полагаем, что семантика таких предикатов, как «совершить преступление», определяется контекстуально, что позволяет анализировать их не как предикат действия, но как предикат статуса. Далее мы постараемся более подробно осветить данное соображение.

Первым делом хочется обратиться к идеи контекстуальности языка Джона Перри, который пишет о семантическом использовании контекста [1]. Хотя сам Перри пишет о том, каким образом контекст помогает нам понять собеседника, можно сделать вывод, что нередко контекст также помогает и самому агенту речи правильно использовать язык. Так, в случае с ассистентом, который взял со стола авторучку и положил ее в карман, самой по себе внеречевой ситуации, которая имела место на наших глазах, оказывается недостаточно для того, чтобы заявлять «ассистент совершил преступление». Безусловно, мы можем это сделать, однако, мы допустим ошибку, поскольку

в рамках системы права имеют место вполне однозначные условия, при которых определенное действие *следует считать* преступлением. Продолжая выдвигать суждения, которые описывали бы непосредственно *то действие, которое совершил ассистент*, нам следовало бы заявить «ассистент взял со стола авторучку и положил ее в карман» или, например, «ассистент стащил авторучку». Ситуация, которая, словами Куайна, представляет собой что-то под Солнцем, не является преступлением и, соответственно, мы не имеем оснований для того, чтобы приписывать нашему помощнику предикат «совершил преступление».

Далее обратимся к следующей вымышленной ситуации. В конце судебного заседания по делу Мэри против Билла судья произносит: «Суд приговаривает Билла за совершенное им преступление к трем годам тюремного заключения». Нас, очевидно, интересует выражение «Билл совершил преступление» и то, чем оно отличается от «ассистент совершил преступление». Для начала необходимо определить контекстуальную разницу в употреблении двух данных выражений. Нам известно, какие действия совершил по нашей просьбе помощник. Про Билла известно, что он силой отобрал у Мэри ее дамскую сумочку и скрылся с ней. Теперь, когда мы «уравновесили» факты, предшествующие приписыванию предиката R (совершить преступление) ассистенту и Биллу, необходимо определить разницу между контекстами. Мы полагаем, что в последней ситуации присутствует принципиально значимый внеязыковой факт, суть которого в судебном решении. Для подавляющего большинства людей очевидно, что отбирать силой вещи, которые тебе не принадлежат, нельзя. Однако лишь для части этот запрет носит нравственный характер, для остальных же – правовой. Билл совершил действие, которое само по себе не является преступлением, но влечет за собой определенные последствия. К интересующим нас последствиям относится процесс судебного разбирательства, который и представляет собой то контекстуальное основание, обеспечивающее возможность обосновано приписать Биллу R . Ключевая разница контекстов двух рассматриваемых примеров заключается в том, что контекст «Билл совершил преступление» включает в себя необходимые внеязыковые основания для осуществления предикации R , тогда как в ситуации в ассистентом таких оснований нет.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать следующие выводы. Если мы стали очевидцами того, как некий человек совершает определенное действие, мы, что вполне логично, безошибочно можем отразить данный факт в языке выражением $A(x)$. Однако следует уточнить, что данное выражение истинно лишь тогда, когда A означает то самое действие, совершение которого мы наблюдали. Если ассистент стащил со стола авторучку, то выражение «ассистент совершил преступление» не соответствует действительности и, следовательно, ошибочно.

Однако пока никак не прояснился момент с предикацией «совершил преступление». Для того чтобы разобраться в данной ситуации, обратимся к примеру Майкла С. Мура. Профессор Мур в своей работе «Правовая реальность: натуралистический подход к правовой онтологии» [2. Р. 624] описывает следующий судебный прецедент – шериф Кирби против Соединенных Штатов. Суть разбирательства в том, что шериф нарушил федеральное законодательство, в частности закон от 1790 г., согласно которому препятствова-

ние доставке федеральной почты уголовно наказуемо. Кирби осуществил арест почтового служащего, что без малейших сомнений замедлило доставку почты. Однако в ходе судебного разбирательства сам Кирби указал, что осуществил задержание, поскольку сотрудник почты подозревался в убийстве. Более того, Кирби действовал согласно ордеру, который получил от властей штата. Суд принял во внимание объяснение шерифа и признал его невиновным в препятствовании доставке федеральной почты.

Данный исторический пример представляет для нас интерес. Несомненно, что шериф своими действиями (арест почтового служащего) нарушил положение федерального законодательства Соединенный Штатов. Однако означает ли данное обстоятельство, что шериф Кирби совершил преступление? На первый взгляд складывается ощущение, что шериф Кирби в самом деле совершил преступление, однако, суд признал его невиновным. То есть суд постановил, что хотя действия шерифа Кирби нарушают закон, сам Кирби преступления не совершал. Таким образом мы делаем вывод о том, что хотя арест почтового служащего, который осуществил шериф, попадает под условия преступления, таковым он не считается.

Далее мы намерены рассмотреть дело шерифа Кирби более детально и, следуя собственной логике, установить контекст рассматриваемого примера. Все эти действия необходимы для того, чтобы выявить семантические особенности фразы «совершил преступление» и однозначно установить, можно ли приписывать ее Кирби. В данном конкретном случае в роли внеязыкового контекста выступает определенная и обозначенная ранее юридическая норма, согласно которой *никто не имеет права препятствовать доставке федеральной почты*. Однако этим внеязыковым контекст приведенного примера не исчерпывается. К нему также относится и мотивация совершения действий. В деле шерифа Кирби такой мотивацией служит ордер на арест почтового служащего.

Таким образом мы получаем следующее: (1) Кирби арестовывает почтового служащего, (2) действия Кирби противоречат норме федерального закона, (3) у Кирби есть веские основания для совершения этих действий. По поводу (3) сразу же возникают сомнения, поскольку редкий человек станет нарушать закон просто так, не имея на то оснований. Но к этому мы вернемся несколько позже. На наш взгляд, в приведенном перечне не хватает ключевого компонента: (4) суд признал Кирби невиновным. Безусловно, (4) является последовательно завершающим и от того окончательно формирующим контекст обстоятельством. Именно учитывая обстоятельства (1), (2) и (3), судья принял решение (4). Основываясь на (4), становится очевидно, что любой, кто будет утверждать, что шериф Кирби совершил преступление, допускает ошибку. Однако никакой ошибки не будет ни в случае с утверждением, что шериф Кирби арестовал почтового служащего, ни с утверждением, что действия Кирби противоречат норме федерального законодательства Соединенных Штатов.

Наше рассуждение согласуется с правовой интерпретацией данного дела Майкла Мура. Мур утверждает, что «Кирби не был виновен в препятствовании или задержке Почты США – было истинным до принятия судебного решения по этому поводу» [2. Р. 625]. То, что мы обозначаем фразой «совершил преступление», представляет собой своего рода правовой статус, который может быть присвоен определенным действиям. В деле шерифа Кирби дей-

ствия, которые он предпринял, не были квалифицированы судом как преступление, т.е. соответствующий статус им предписан не был, хотя Кирби и создал определенные препятствия для доставки федеральной почты США.

Вышесказанное подтверждает наш тезис, что «совершил преступление» представляет собой предикат статуса, а не действия. Теперь остается осуществить анализ того, что представляет собой выражение «Билл совершил преступление».

Уилфрид Селларс завершает свою работу «Грамматика и существование» указанием на ряд контекстов, которые представляют особую проблему, среди которых – оценочные контексты [3. С. 150]. Хотя мы не согласны с преобладающим мотивом исследований Селларса, для нас принципиальную роль играет та связь структуры функционирования языка с онтологией, которую он стремится опровергнуть. Группа контекстов, которую сам Селларс именует оценочными, представляет собой многообразие аскриптивных утверждений. *А лучше чем В* есть не что иное, как приписывание статуса «быть лучше чем...» определенному субъекту высказывания. На наш взгляд, аналогичным данному примеру является приписывания «совершил преступление». С точки зрения Рэя Брасье, подобный тезис представляет собой прямое критическое онтологическое исследование. Так, в частности, он утверждает: «Критическая онтология должна удовлетворять следующим требованиям. (1) Требуется знать, что есть имя и как оно соотносится с именуемым. (2) Требуется знать, почему существует различие между именами и вещами. (3) Требуется знать, какие роды вещей существуют и что есть эти роды» [4. Р. 104].

Так, к примеру, выражение «Джон поступил хорошо» представляет собой *именование* определенных действий Джона. Но если на вопрос «А что хорошего сделал Джон?» мы получим ответ, что Джон помог снять котенка, застрявшего на дереве, то мы можем заключить, что:

(а) Джон поступил хорошо в действительности имеет значение

(а-1) Джон снял котенка с дерева, и это был хороший поступок.

В случае с (а) очевидно, что выражение не содержит указаний на какие-либо конкретные действия Джона. Более того, «поступить хорошо», равно как и «совершить преступление», само по себе никак не связано с реальностью. В действительности Джон лишь снял котенка с дерева, что вне высказывания мнения о действиях Джона не является ни хорошим поступком, ни благородным, ни каким-либо еще. Лишь (а-1) раскрывается полное семантическое содержание (а). Но почему в таком случае мы чаще используем (а)?

Мы полагаем, что употребление в речи выражений, подобных (а), оправдано в тех случаях, когда участники общения разделяют один набор пресуппозиций, т.е. обладают рядом контекстуальных внеязыковых установок [5. Р. 177]. К таким установкам, несомненно, относится знание того, *какое именно действие* совершил Джон и убеждение в том, что спасти котенка – это хороший поступок. Д.А. Скулимовская называет этот набор разделяемых участниками общения установок «общим пресуппозициональным фондом» [6]. Однако если для аскрипции мнения данный набор установок представляется в определенном смысле весьма скромным, то как обстоят дела с аскрипцией статуса?

(б) Билл совершил преступление в развернутом виде представляет собой

(б-1) Билл ограбил женщину и суд считает его виновным в совершении преступления.

Очевидно, что для правомерного использования (б) недостаточно знать о том, какой поступок совершил Билл, и иметь мнение относительно его действий. Мы полагаем, что для квалификации определенных действий в качестве преступления необходимо признание их неправомочности. Ключевая разница заключается в том, что если в ситуации употребления (а) для агента речи требуется обладать субъективным мнением, то для употребления (б) нужно уже нечто большее: соответствие интересующим нормативным установкам. Обращаем внимание, что в данном случае мы используем понятие «нормативный» не в качестве синонима понятиям «правовой» или «юридический», но как отсылающий к однозначно зафиксированным правилам. В нашем случае роль этих правил играет уголовное законодательство. Именно на основании того, что судья исполняет роль внесубъектного агента, задача которого проанализировать обстоятельства дела и осуществить соответствующую квалификацию действий Билла, формируется составная часть presuppositional фонда – знание решения, которое вынес судья.

Не менее значимым, на наш взгляд, является вывод о сущности таких предикатов, как «поступить хорошо» или «совершить преступление». Основываясь на (б-1), которое представляет собой развернутое семантическое содержание (б), можно заключить, что подобного рода предикаты приписываются не субъекту высказывания, а тем действиям, о совершении которых нам известно. Предикат «совершил преступление» есть не предикат действия, но предикат статуса, который приписывается действиям, которые совершает Билл. Статус «преступление» мы приписываем ограблению женщины. Данные рассуждения подводят нас к проблеме логической структуры аскриптивных выражений, решение которой не является целью данной работы.

Итак, можно сделать вывод, что семантически любое аскриптивное выражение в развернутой форме представляет собой

(с) имеет место F и F приписан статус G, что при практике языка сокращается до

(с-1) F есть G.

Подобного рода сокращения при практике языка подразумевают редукцию аскриптивного выражения «Билл ограбил женщину, и это преступление» до «Билл совершил преступление». Если в случае с выражением (с) мы в явной форме можем различить предикаты действия, выполнение которого приписывается субъекту высказывания, и статуса, который приписывается не субъекту, но его действиям, то уже (с-1) представляет собой вариант сокращения исходного выражения, которое используется в языковой практике. Рассматривая сокращенный вариант выражения (с-1), необходимо понимать, что предикат G есть именно предикат статуса, а не действия. Подобный семантический анализ, на наш взгляд, позволяет не только прояснить семантическую специфику употребления аскриптивных выражений как в рамках юридического языка, так и в рамках обыденного, но и разграничивает между собой предикаты действия и статуса.

Литература

1. Perry J. Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. URL: https://www.researchgate.net/publication/242208429_Indexicals_Contexts_and_Unarticulated_Constituents (accessed: 20.02.2021).

2. Moore M.S. Legal Reality: A Naturalist Approach to Legal Ontology // *Law and Philosophy*. 2002. Vol. 21, № 6. URL: <https://www.jstor.org/stable/3505202> (accessed: 20.02.2021).
3. Селларс У. Грамматика и существование // *Язык, истина, существование*. Томск, 2002. (Библиотека аналитической философии). С. 108–150.
4. Brassier R. Nominalism, Naturalism, and Materialism: Sellars's Critical Ontology // B. Bashour and H. Muller (eds.). *Contemporary Philosophical Naturalism and Its Implications*. London ; New York : Routledge, 2013. P. 101–114.
5. Levinson S.C. *Pragmatics*. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. 420 p.
6. Скулимовская Д.А. Импликация, пресуппозиция и логическое следствие как когнитивные механизмы интерпретации речевого акта предупреждения // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2013. № 3 (24). С. 29–33.

Alexandr G. Andrushkevich, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 61. pp. 14–20.

DOI: 10.17223/1998863X/61/2

SEMANTIC ANALYSIS OF ASCRIPTIVE EXPRESSIONS

Keywords: language; ontology; ascription; semantics; legal ontology

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-18-00057.

The article discusses the semantic specifications of sentences that contain status predicates. It is shown that the visually similar predicates “to steal the pen” and “to commit the crime” are in fact fundamentally different. If in the first case we are talking about an action predicate, then in the second about a status predicate. Linguistic analysis identifies the necessary conditions for the correct use of expressions like “Bill committed the crime” in language. Since Bill’s actions are not a crime in themselves, the phrase “committed the crime” is not predicted for Bill, but for the actions he committed. As an original example, the judicial precedent is considered, which we come across in M. S. Moore’s “Legal Reality: A Naturalist Approach to Legal Ontology”. The essence of the work is that Sheriff Kirby violated a federal law, in particular the law of 1790, according to which it is a criminal offense to obstruct the delivery of federal mail. Kirby arrested a postal worker, which undoubtedly slowed down the delivery of the mail. However, during the trial, Kirby himself indicated that he arrested the postal officer since the latter was suspected of murder. Moreover, Kirby acted according to the warrant he received from the state authorities. The court took into account the sheriff’s explanation and found him not guilty of obstructing the delivery of federal mail. According to Moore, although Kirby violated the federal law, he was innocent. The court also found that the sheriff’s actions were not a crime. The apparent contradiction between the actions of the sheriff and the court’s decision is resolved when we attempt to define the non-linguistic conditions for the use of the expression “committed the crime”. The presuppositional fund of the speech agent is singled out as such conditions.

References

1. Perry, J. (1998) *Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/242208429_Indexicals_Contexts_and_Unarticulated_Constituents (Accessed: 20th February 2021).
2. Moore, M.S. (2002) Legal Reality: A Naturalist Approach to Legal Ontology. *Law and Philosophy*. 21(6). [Online] Available from: <https://www.jstor.org/stable/3505202> (Accessed: 20th February 2021).
3. Sellars, U. (2002) Grammatika i sushchestvovanie [Grammar and existence]. In: Surovtsev, V.A. (ed.) *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, Truth, Existence]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 108–150.
4. Brassier, R. (2013) Nominalism, Naturalism, and Materialism: Sellars’s Critical Ontology. In: Bashour, S. & Muller, H. (eds) *Contemporary Philosophical Naturalism and Its Implications*. London; New York: Routledge. pp. 101–114.
5. Levinson, S.C. (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Skulimovskaya, D.A. (2013) Implicature, presupposition and entailment as cognitive mechanisms of the interpretation of speech acts of warning. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 3(24). pp. 29–33. (In Russian).